

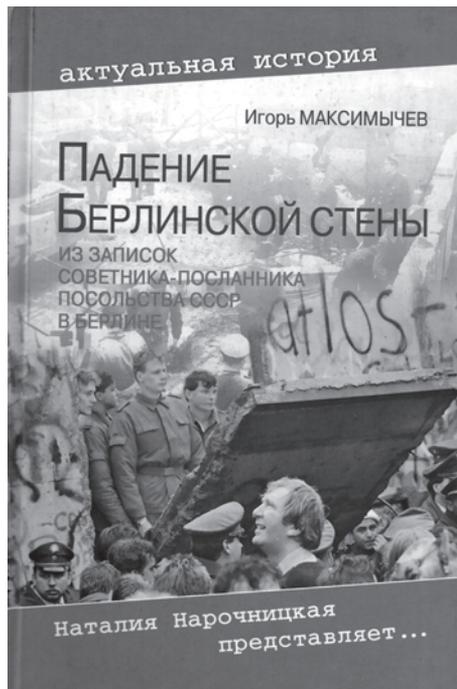
ОЛЕГ АУРОВ

Вокруг Европы...

Вышла в свет еще одна книга серии «Актуальная история», публикуемой под эгидой Фонда исторической перспективы и ее руководителя Н. А. Нарочницкой. Без преувеличения, каждая книга этой серии становится нерядовым событием общественно-политической жизни. Не стали исключением и воспоминания видного российского политолога и дипломата Игоря Федоровича Максимычева, о которых пойдет речь ниже. Главный научный сотрудник Института Европы РАН, член Экспертного совета Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по международным делам, член Попечительского совета Международной мо-

лодежной ассоциации внешней политики, вице-президент Лиги российско-германской дружбы, И. Ф. Максимычев хорошо известен в среде коллег-германистов. С 1956-го по 1992 год он находился на дипломатической службе в Германской Демократической Республике (ГДР), Австрии, ФРГ и Франции. Завершение же его карьеры было вновь связано с Восточной Германией, последние годы истории которой

И. Максимычев.
Падение Берлинской стены.
Из записок советника-посланника
посольства СССР в Берлине.
М., «Вече», 2011. 352 с.
(Актуальная история)

паладной Германией в 1990 году, о зигзагах советского внешнеполитического курса по германскому вопросу, не только проводником, но и одним из разработчиков которого (разумеется, на завершающем этапе) являлся автор рецензируемой книги.

Не претендуя на полноценный разбор всего круга сюжетов, рассматриваемых И. Ф. Максимычевым (что, разумеется, делается и еще будет сделано его коллегами-

он имел возможность наблюдать в качестве советника-посланника (первого заместителя посла) в Берлине.

Особую ценность мемуарным заметкам И. Ф. Максимычева придает тот факт, что они написаны на основе не только «живых» воспоминаний, но и дневниковых записей, которые он вел на протяжении длительного времени. В полной мере это относится и к периоду 1987—1992 годов. Именно этому отрезку жизни и служебной деятельности И. Ф. Максимычева и посвящена книга. В центре внимания автора — размышления о германском объединении, о том вкладе в немецкую и европейскую историю, который внесла ГДР, поглощенная За-

германистами), обращу внимание лишь на несколько моментов, заинтересовавших меня, вовсе не претендующего на глубокие знания в области германистики, но зато олицетворяющего тот самый «широкий круг читателей», на который рассчитана книга.

Свой рассказ И. Ф. Максимычев начинает с замечаний о том, что по прошествии 20 лет после германского объединения 1990 года представляется очевидным: представление о благотворности процесса поглощения ГДР ее западногерманским партнером оказалось мифом (см. С. 6–24, 287–295 и др.). Рубец разъединения нации не исчез и сегодня: две части Германии до сих пор сильно отличаются уровнем экономического развития (богатые «весси» — бедные «осси»), социальной структурой и особенностями культуры; острой проблемой стала непрекращающаяся миграция из восточных земель в западные, что в перспективе грозит депопуляцией бывшей ГДР, тем более что уровень рождаемости там крайне низок и имеет тенденцию к снижению (см. С. 11–13). Не ослабевает, а, наоборот, нарастает «остальгия» — волна сожаления восточных немцев о факте ликвидации ГДР, трогательное отражение к ее материальному наследию в том, что касается продуктов питания, быта и многих символов (причем, насколько можно понять, именно в этом порядке) (см. С. 280–296).

Внимание автора, как и его позиция по отношению к соответствующим вопросам в целом, понятна: ГДР была детищем Советского Союза, причем не только в своих истоках (всцело связанных с «холодной войной»), но и в том, что касалось образа жизни, утвердившегося в «первом социалистическом государстве на немецкой земле». Изначально жестко отстаивавшая принцип единства Германии (Сталин не хотел оставлять германским реваншистам столь привлекательный лозунг, как неделимость немецкой нации; см. С. 296–297), советская дипломатия была вынуждена смириться со status quo только в середине 1950-х годов, когда, вопреки позиции СССР, ФРГ была принята в НАТО. С этого времени лозунг германского единства уже не означал (да и не мог означать) курса на создание той нейтральной и демилитаризован-

ной Германии (именно такой ее желали видеть в Советском Союзе, пережившем самую страшную войну в мировой истории). После 1955 года согласиться на объединение «двух Германий» означало для СССР не только принять как должное усиление «вражеского блока», но и позволить себе стратегическое отступление с той линии фронта «холодной войны», на которой нерушимо стояли советские войска (в лице Группы советских войск в Германии — ГСВГ).

На это советское руководство пойти не могло. Поэтому со времен Н. С. Хрущева Москва не только смирилась с фактом разъединения страны, но и приложила все усилия к тому, чтобы это разъединение было закреплено если и не навечно, то надолго (см. С. 297 и далее). Материальным проявлением этого курса и стало возведение знаменитой «Берлинской стены» — закрытие границы с Западным Берлином: об этом хорошо известно. Меньше вспоминают о другом: советские власти воспринимали Восточную Германию как витрину социализма. А потому в ее обустройство были вложены колоссальные средства — дотации от «старшего брата» (и это при том, что и без этих дотаций экономика ГДР являлась одной из наиболее эффективных в странах СЭВ!). В общем, если где-либо и был построен настоящий и без кавычек *реальный* социализм, так это в ГДР.

Действительно, здесь было все, о чем мог только мечтать для своего народа настоящий патриот-коммунист: «отличная система дошкольного воспитания детей, которая позволяла почти всем женщинам участвовать в трудовой деятельности; высококачественное школьное и высшее образование с гарантированным предоставлением рабочего места по окончании учебы; полное отсутствие безработицы; высокие темпы жилищного строительства; получение квартир молодыми семьями практически без стояния в очередях; приличные пенсии по старости». И. Ф. Максимычев резюмирует: «остальные соцстраны могли только позавидовать таким достижениям» (С. 92–93).

Следует отдать должное восточным немцам: они максимально эффективно использовали помощь «старшего брата». Причем сам по себе факт оказания подобной помощи — дело отнюдь не беспрецедентное. Следует, к примеру, напомнить,

что США предоставляют такую помощь десяткам стран, а ее крупнейшему получателю, Израилю, только напрямую ежегодно перечисляется около 3 миллиардов долларов. За союзнические отношения надо платить — и это нормально. Тем более что и сам И. Ф. Максимычев считает требования руководства ГДР о размерах экономической помощи «отнюдь не чрезмерными» (С. 94).

Проблема состояла в другом. Несмотря на все усилия и расходы по оборудованию витрины «первого в мире государства рабочих и крестьян на немецкой земле» (как именovala ГДР официальная пропаганда), несмотря на все несомненные достижения на этом пути, стабильности социально-политической системе Восточной Германии это не прибавляло. И здесь впору вновь обратиться к оценкам И. Ф. Максимычева, который, касаясь основных вех недолгой истории ГДР, резюмирует: в то время как, несмотря на отдельные проблемы, «основы западногерманского государства представлялись чем-то абсолютно непоколебимым», «каждый новый день ГДР воспринимался как еще одна схватка за ее существование, как еще одна битва с неясным исходом за то, чтобы республика выстояла в вихре разнообразных кризисов, поочередно охватывавших социалистический лагерь в целом и каждую из составляющих его стран в отдельности» (С. 43—44).

Непосредственно в ГДР, в отличие от ее восточноевропейских соседей, кризисы такого рода проявлялись не столько в проведении прямых акций протеста (после драматических событий 17 июля 1953 года, когда на улицы Восточной Германии пришлось вывести советские танки, такие акции не повторялись до 1987 года, причем до памятного ноября 1989-го они не носили массового характера), сколько в «голосовании ногами» — массовом выезде (а после появления стены — бегстве, порой с риском для жизни) восточногерманских граждан из социалистического «рая».

Растущее отставание ГДР от ФРГ несомненно имеет объективные причины. Как показывает И. Ф. Максимычев, в своих основах оно было связано с бурным экономическим ростом Западной Германии, начавшимся после валютной реформы 1948 года, на фоне невысоких темпов роста экономики ГДР (сильно пострадавшей от войны, да еще и вынужденной до 1953 года

выплачивать репарации в пользу СССР и Польши; см. С. 44). Этого объяснения, однако, автору книги кажется недостаточным. Еще одну важную причину перманентного кризиса ГДР он видит в относящемся к началу 1950-х годов «решении руководства СЕПГ ускорить построение социализма советского образца в целях закрепления своей монополии на власть» (С. 44). В завершающей части воспоминаний И. Ф. Максимычев снова возвращается к ключевому вопросу о том, кто был виноват в гибели ГДР, и подчеркивает, что «руководство СССР лишь косвенно несет ответственность за обстоятельства, при которых ГДР пала под напором изнутри и извне, несмотря на несомненные социальные достижения, несравнимые ни с одной другой страной реального социализма» (С. 295). Но так ли это? Есть ли основания (как это делает И. Ф. Максимычев) перекладывать основную вину на плечи Э. Хоннекера (1912—1994) и его окружения, возглавлявшего республику с начала 1970-х годов и почти до ее гибели?

Автор книги неоднократно подчеркивает, что фатальную роль в судьбе ГДР сыграло нежелание его руководителей принять принципы горбачевской перестройки. «Разумеется, приехал я в Берлин страстным сторонником перестройки — период брежневского “застоя” казался мне и моим современникам самым скверным, что могло произойти со страной...», — вспоминает И. Ф. Максимычев (С. 68). И через несколько страниц приводит выдержку из официального документа, которая (как это видно из всего текста книги) в целом отражает и его собственную позицию, сохранившуюся до сих пор: «Вместо того, чтобы искать пути для необходимого совершенствования режима (в рамках национальных особенностей и специфики геополитического положения ГДР), [друзья] пошли по пути отгораживания от перестройки в СССР» (С. 76). Получается, что, поставь Э. Хоннекер, Э. Кренц и их соратники задачу построения «демократического социализма», перейди на позиции социал-демократии, внедри «гласность» — и все стало бы на свои места?

Попытаемся разобраться в сути авторской позиции. И первый — причем отнюдь не праздный — вопрос состоит в том, мог ли для ГДР с ее несомненными социаль-

но-экономическими достижениями быть привлекательным пример «старшего брата» с его «колбасными электричками», вечными дефицитами, низким качеством элементарных потребительских товаров, недостатком качественного жилья, нескончаемыми очередями и прочими «прелестями»? И. Ф. Максимычев и сам подчеркивает тот факт, что немцы ГДР действительно получали то, что обещало им их собственное руководство. Пройдут годы, «первое в мире государство рабочих и крестьян на немецкой земле» уйдет в прошлое, и тогда наконец большая часть населения бывшей ГДР осознает, сколь многое было потеряно с откازом от «реального социализма» в его гэдээровской модификации.

Но это будет потом. А до этого было принято замечать один сплошной негатив. И представляется, что проблема состояла отнюдь не только в «антидемократичности» модели восточногерманского социализма и пресловутом всевластии «штгази» (органов госбезопасности). Не следует забывать, что западногерманское Ведомство по защите конституции в своей деятельности тоже давало весьма «показательные» примеры той еще «демократии». Чего стоила одна только практика «запретов на профессии» (*Berufsverboten*) (то есть на занятие должностей в государственном аппарате, системе образования и некоторых других сферах) для всех, кто подозревался в левых взглядах! Иезуитский характер процедуры состоял в том, что от предъявленных обвинений невозможно было освободиться даже через суд, ибо понятие «левые» (как, впрочем, и «крайне правые») взгляды является неправовым и может трактоваться в весьма широких пределах. (К слову, эта германская версия маккартистского мракобесия формально не отменена до сих пор.)

Представляется, что глубинная проблема гэдээровского «реального социализма» состояла другом. А именно — этот социализм противоречил ключевым принципам того «общества потребления», которое после Второй мировой стало объективно складываться не только в промышленно развитых странах Запада, но и на территории «советского блока». По мере того как в прошлое уходили воспоминания о страшных лишениях военного времени, на первый план все более активно выходили индивидуализм, эгоизм и гедонизм, шаг за шагом не оставлявшие камня на камне от гос-

подствовавшей ранее этики «минимизации страданий». А потому, получив приличное образование в ГДР, восточные немцы без зазрения совести оставляли родину и устремлялись туда, где это «конкурентное преимущество» можно было без особого труда обменять на высокую зарплату в западных марках, счастливо избежав при этом обременительных «инвестиций в образование», тяжелым грузом ложившихся на плечи западных немцев. Экономика ФРГ росла, а потому мигрантов с востока принимали с распростертыми объятиями (да еще и выплачивали им щедрые подъемные).

И официальная пропаганда, и штгази, и режим закрытости от внешнего мира (в случае ГДР, по понятным причинам, весьма ограниченный) были способны притормозить, но не остановить процесс распространения бацилл потребительского капитализма в сознании восточных немцев. Что же касается возможностей сохранения режима путем его либерализации, то о типичности этого пути говорит вся история Восточной Европы конца 1980-х — начала 1990-х годов. Везде — от Болгарии до СССР — эта либерализация неизбежно заканчивалась крахом социализма — как *реального*, так и любого другого.

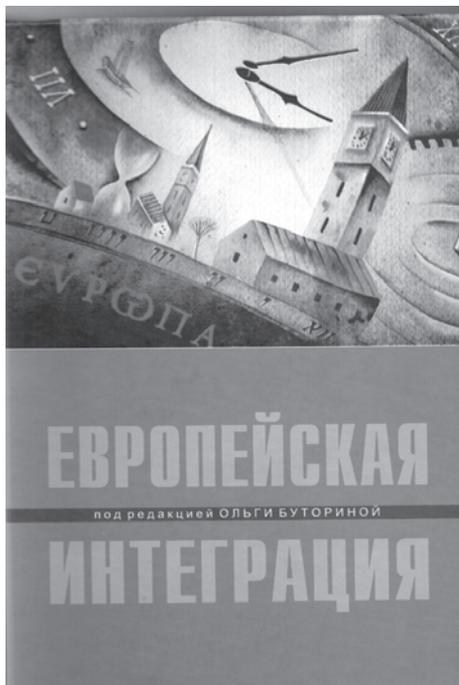
Причины такого развития событий хорошо известны, и я не буду тратить время на их объяснение. Очевидно одно: без поддержки извне «реальный социализм» в ГДР был обречен изначально, что и показали события ноября 1989-го — октября 1990 года. При этом следует подчеркнуть, что и в СССР, и в ГДР, и в других восточноевропейских странах потерпел крах не какой-то там «казарменный», «сталинский», короче говоря, — «неправильный», «недемократический», а самый настоящий, действительно *реальный* социализм, со всеми его минусами, но и плюсами тоже. И тот факт, что вскоре после развала «социалистической системы» неизбежно пришел черед и тех элементов социализма, которые под давлением советского примера были встроены в структуру западного капитализма, является весомым тому подтверждением. «Социальное государство», «общество всеобщего благосостояния» и прочие варианты социал-реформистских мутаций реального капитализма уходят в прошлое — где-то медленнее, где-то быстрее. Странно, что автор рецензируемой книги не понимает столь очевидных вещей.

От разговора о судьбах германского объединения, во многом предвосхитившего вектор развития процессов евроинтеграции на рубеже 1980—1990-х годов, перейдем к другому изданию, также посвященному проблематике единой Европы. Вышел в свет новый учебник, который так и называется — «Европейская интеграция» — и выпущен под редакцией доктора экономических наук, профессора, заведующей кафедрой европейской интеграции МГИМО(У) Ольги Витальевны Буториной.

Далеко не первый в нашей стране опыт такого рода¹, он вместе с тем качественно отличается от своих предшественников. И в первую очередь — тем сочетанием высочайшего научного уровня и продуманного метода подачи материала, которое стало возможным вследствие долговременного сотрудничества кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ с Институтом Европы РАН, начало которому положил еще основатель кафедры, видный российский ученый-международник и дипломат И. Г. Тюлин (1947—2007), а также с рядом других научных и образовательных учреждений — Центром исследования проблем войны и мира МГИМО(У), Финансовой академией при Правительстве РФ, Евразийским национальным университетом им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан).

Обращает на себя внимание состав авторского коллектива, объединившего ученых разных поколений — от признанного дуайена отечественной европеистики академика В. В. Журкина (почетного директора Института Европы РАН) и видного

Европейская интеграция:
Учебник. Под ред. О. В. Буториной.
М., Издательский дом «Деловая литература», 2011. 720 с., илл.

рооссийского экономиста Н. П. Шмелева (возглавляющего Институт в настоящее время) до аспирантов Л. Лукшик, С. Е. Савостина, А. Н. Цибулиной, для которых участие в работе над учебником стало важным этапом на пути создания их диссертаций. Кроме того, показательна широта научных интересов авторов, в числе которых — политологи (О. Б. Александров, Н. Ю. Кавешников, М. В. Стрежнева, А. И. Тэвдой-Бурмули), экономисты (Ю. А. Бортко, О. В. Буторина, Е. Б. Завьялова, Т. М. Исаченко, Н. Б. Кондратьева, Л. Лушник, С. Е. Савостин, Б. Е. Фрумкин, А. Н. Цибулина, Н. П. Шмелев) и историки (М. Г. Абра-

мова, Л. С. Воронков, В. В. Журкин, А. В. Загорский, Ж. М. Медеубаева, О. Ю. Потемкина, Т. В. Юрьева). Отсюда — по-настоящему междисциплинарный характер учебника, в котором рассматривается весь круг сюжетов, составляющих феномен европейской интеграции: исторических, политологических, правовых и, разумеется, экономических, прописанных, пожалуй, наиболее детально. Прежде, однако, позволю себе сказать несколько слов о собственно методической составляющей книги, которая, при всей значимости ее научного содержания, в первую очередь является все-таки учебником, обращенным к студенческой аудитории и призванным соответствовать вполне определенному комплексу методических требований. И здесь, как представляется, в полной мере были учтены методические разработки профессоров и преподавателей кафедры европейской интеграции, разработавших более 20 различных курсов по соответствующей тематике.

Соответственно, с точки зрения методики преподавания «Европейская интеграция» является, без преувеличения, одним из лучших российских учебников по

¹ См., например: А. С. Книга, В. Н. Пархаев. Европейская интеграция. Учебное пособие. Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова. Барнаул, Изд-во АлтГУ, 2004; Б. Г. Шемятенков. Европейская интеграция. Учебное пособие. М., «Международная книга», 2003.

социально-гуманитарным дисциплинам. Форма подачи материала продумана до деталей. Относительно небольшие по объему (30—40 страниц) тематические разделы, помимо основного текста, разделенного на параграфы и подпараграфы, завершаются кратким (1—1,5 страницы) заключением (во всех параграфах оно озаглавлено одинаково — «Выводы, проблемы, тенденции») перечнем контрольных вопросов (5—6), а также небольшим списком обязательной и дополнительной литературы. Такая структура в полной мере соответствует основному предназначению вузовского учебника, который должен не претендовать на статус истины в последней инстанции, а являться лишь введением в круг изучаемых вопросов, первым шагом на пути познания сложных и многообразных проблем, естественным продолжением которого становится знакомство с литературой из предложенного списка.

Такая структура, среди прочего, позволяет использовать учебник как справочное издание, тем более что опыт создания такого рода текстов у членов авторского коллектива уже имеется; и, кажется, его результаты весьма позитивны². Правда, с этой точки зрения несколько лапидарным представляется оглавление к книге (см. С. 718—719) в его нынешнем виде: целесообразно было бы внести в него названия не только глав, но и параграфов с целью облегчения навигации для читателя.

Кроме того, любопытной представляется идея выделения в каждом параграфе значимых цитат и определений ключевых понятий: и те, и другие отделяются от основного текста специальной рамкой, что весьма полезно при повторении уже изученного материала; той же цели служит и биографический справочник, помещенный в завершающей части книги, в который включены имена всех персонажей, фигурирующих в основном тексте, и краткие биографические справки о них (см. С. 711—717). В целом смысл введения таких справок понятен: они позволяют несколько разгрузить основной текст. Однако конкретное содержание порой вызывает вопросы. Представляется, например, что

применительно к ряду персонажей, имена которых вполне известны студентам как из школьной программы, так и из читаемых уже в МГИМО(У) курсов по истории, такие справки могли бы быть более краткими и (кстати сказать) нейтральными по содержанию.

Приведу только один пример. Весьма спорной представляется биографическая справка о Б. Н. Ельцине. Очевидно, что лишь малая часть научного сообщества придерживается мнения, согласно которому «проведенные им реформы способствовали развитию демократии, правового государства и открытой рыночной экономики» (С. 713). Разумеется, авторы справки вполне вольны думать о покойном российском политике именно в таком духе — это их право. Следует, однако, считаться и с правом на собственное мнение тех, кто придерживается иного мнения как о самом Б. Н. Ельцине, так и о его реальном вкладе в историю России вообще и историю ее внешней политики — в частности. Не совсем понятно содержащееся в справке упоминание о двух чеченских кампаниях. Наконец, отношения России и ЕС периода пребывания Ельцина у власти не сводятся лишь к Соглашению РФ—ЕС 1994 года. Думается, оптимальным было бы такое содержание справки: «Ельцин Борис Николаевич (1931—2007) — первый Президент Российской Федерации (1991—1999); в период его президентства были заложены правовые и партнерские основы отношений между РФ и ЕС».

Разумеется, представленные выше замечания носят оттенок некоторой субъективности. Однако есть и ремарки более нейтрального характера. Во-первых, как представляется, следовало бы дополнить библиографический раздел отсылками к тем страницам учебника, на которых упоминаются соответствующие персонажи. Во-вторых, можно было бы подумать о дополнении учебника хотя бы кратким глоссарием (опять же с отсылками к соответствующим страницам из основного текста). Наконец в-третьих, в книге, два члена авторского коллектива которой (Н. Ю. Кавешников и Н. Б. Кондратьева) являются географами по первому образованию, явно не хватает картографического материала. Очевидно, что последнее скорее всего объясняется сугубо экономическими причинами.

² См., например: «Европейский Союз. Справочник-путеводитель». Под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко, И. А. Иванова. М., «Деловая литература», 2003.

ми; но хочется верить, что в последующих переизданиях учебника этот недостаток будет восполнен.

Переходя к разговору об основном тексте книги, сосредоточусь главным образом на структуре издания, оставив замечания более частного характера специалистам в соответствующих областях — экономистам, юристам-международникам, специалистам по истории международных отношений и др. Первый раздел (см. С. 12—138) носит вводный характер. В него вошли глава 1, посвященная понятийной системе; глава 2 с обзором теорий интеграции (федерализм, неофункционализм, теория коммуникации, межправительственный подход); глава 3 о современном состоянии интеграции процессов в мире; главы 4—5 об истории развития интеграционных процессов в Европе — от первых проектов интеграции до настоящего времени; глава 6 о европейской ассоциации свободной торговли и глава 7 об истории валютного сотрудничества в Европе.

Содержание этой части книги производит несколько дисперсное впечатление, которое лишь усиливается от совпадения названий раздела в целом и его первой главы («Региональная интеграция: основные понятия»). Как историк по образованию и профессии, позволю себе предположить, что большую целостность этой части рецензируемой книги могло бы придать более последовательное следование историческому подходу к раскрытию ключевых особенностей феномена интеграции. На месте авторов книги я начал бы с предыстории европейской интеграции (гл. 4), к которой непосредственно примыкает сюжет, связанный с теориями интеграции (гл. 2), после чего бы перешел к собственно истории (гл. 5), с которой объединил бы (в отдельном разделе?) главы 2, 6 и 7. И лишь затем следовала бы нынешняя глава 3 («Интеграционные объединения в современном мире»), которая создает необходимый контекст для понимания места европейской интеграции, Евросоюза в мировой экономике в начале XXI века. Что же касается нынешней главы 1, то ее я бы либо выделил в отдельный раздел, либо включил в состав «Предисловия» (см. С. 5—7), которое в его нынешнем виде представляется чрезмерно лапидарным.

Определенные замечания по структуре можно сделать и к разделу второму, посвященному организационной системе ЕС (см. С. 140—202). Разговор об институтах Евросоюза, начатый в главе 8, прерывается правовым экскурсом (гл. 9 и 10 — последняя посвящена Лиссабонскому договору 2009 года) и возобновляется в главе 11, посвященной финансовым учреждениям и бюджету ЕС.

В то же время предельно целостными по структуре являются разделы третий («Направления деятельности ЕС»; С. 204—424), четвертый («ЕС в системе международных отношений»; С. 426—529) и пятый («Сотрудничество России и ЕС»; С. 532—614). Раздел шестой («Интеграционные процессы в Большой Европе»; С. 614—704) вновь получился несколько дисперсным по содержанию. Но в данном случае эта дисперсность представляется более чем оправданной, поскольку является отражением противоречивости интеграционных факторов, развивающихся в границах Большой Европы.

Нередко их векторы оказываются противоположно направленными, интеграционные тенденции «накладываются» на дезинтеграционные и т. д. Важно и то, что в данном конкретном случае дисперсность содержания не означает его рыхлости. Открывающий раздел проблематика, связанная с интеграционными процессами в скандинавском регионе (гл. 40), продолжается рассказом о деятельности Вышеградской группы (гл. 41) (изначально включавшей лишь страны Центрально-Восточной Европы — Польшу, Чехословакию и Венгрию), Черноморском экономическом сотрудничестве (гл. 42) (страны Юго-Восточной Европы) и постсоветском пространстве (гл. 43—44). Вполне логично этот экскурс завершается главой о роли России в процессах интеграции и глобализации (гл. 45).

В заключение позволю себе обратить внимание на некоторые аспекты содержания главы 4 («Европейские проекты и идейные предпосылки европейской интеграции»; С. 58—80), наиболее интересной для меня как для историка, профессионально занимающегося периодом, относящимся к непосредственной предыстории европейской интеграции. Написанная высококвалифицированным специалистом,

кандидатом исторических наук, доцентом А. И. Тэвдосем-Бурмули живо и образно, она изобилует оригинальным фактическим материалом и несомненно будет интересна и полезна студентам. Идеал, как известно, недостижим; однако в качестве информации к размышлению хотелось бы предложить три разрозненных замечания, касающихся ранних этапов истории Европы как особой политической и культурной идентичности.

Первое. Истоки Европы как идеи я бы связывал все-таки не с Римом, а с Грецией, где осознание европейской «инаковости» (а не только географической определенности) прослеживается уже у Гомера, едва ли не первым противопоставившего эллинов (собственно европейцев) азиатам-карийцам, применительно к которым впервые же фигурирует эпитет «варвары» («Настес вел говорящих наречием варварских каров, /Кои Милет занимали, и Ффиров лесистую гору, / И Меандра поток, и Микала вершины кругые» («Илиада» 2.865)). Именно применительно к характеристике этих варваров закладываются истоки стереотипов восприятия не-европейцев, в числе которых — склонность к анархии и способность повиноваться лишь жестокой тиранической власти, ставшие основой последующего восприятия Европы как пространства демократии в противовес тирании как политической особенности не-Европы. Впоследствии эта идея получили широкое развитие, прежде всего в «Политике» Аристотеля, и лишь затем — усвоена в Риме.

Второе. Применительно к римскому наследию целесообразно было бы выделить не столько «римскую идею» как таковую (сыгравшую основную роль уже в эпоху Средневековья), сколько сам практический опыт паневропейского полиэтничного образования, неотъемлемой частью которого стали зачатки концепции будущей Восточной Европы — преемницы традиции римского грекоязычного Востока в противовес латиноязычному Западу. Оформившиеся позднее в Восточную Римскую (Византийскую) империю, грекоязычные области римского orbis terrarum породили два ключевых для идентичности Восточной Европы феномена: восточное (православное) христианство и «византийский круг

земель», складывание которого завершило процесс формирования Большой Европы в ее современном понимании.

И наконец, *третье.* Борьба папства и Империи, открывающая эпоху Высокого Средневековья (XI—XIII века), в истории Европы предстает как противостояние двух интеграционных проектов: светского («Римская империя» с центром не столько в Риме, сколько в Ахене и Аугсбурге) и церковного («Res publica Christiana» с центром собственно в Риме). Как ни парадоксально, именно последний из двух вариантов (со свойственными ему всеевропейским охватом, стремлением к единству языка, права (ius commune), делопроизводства, системы образования и др.) оказывается ближе к интеграционным проектам современности, чем первый, носивший преимущественно региональный характер.

Очищенный от своей религиозной составляющей (поскольку абсолютно обоснованная исторически, хотя и не совсем политкорректная, поправка о включении в проект Европейской конституции оговорки об особой роли христианства в истории Европы была отклонена еще на стадии обсуждения), этот проект предлагает, прежде всего, целостное видение пределов Европы—ЕС, в основном соответствующих восточным и юго-восточным границам западного христианства. Кроме того, неотъемлемой частью этого проекта оказывается «lingua franca» (латинский средневековой Европы и (по преимуществу) английский — ЕС). Главная же особенность средневековой Res publica Christiana — это то сочетание общеевропейского и регионального (на уровне как самосознания, так и реальных политических структур), вне которого невозможно представить себе Европейский Союз в его нынешнем виде.

Очевидно, однако, что все изложенные выше замечания носят частичный характер и не способны заслонить главного — несомненной удачи нового учебного пособия по европейской интеграции в его главных и основополагающих составляющих. А потому не подлежит сомнению то, что книга встретит самый теплый прием как у студентов, так и (как это принято говорить) у самого широкого круга читателей.

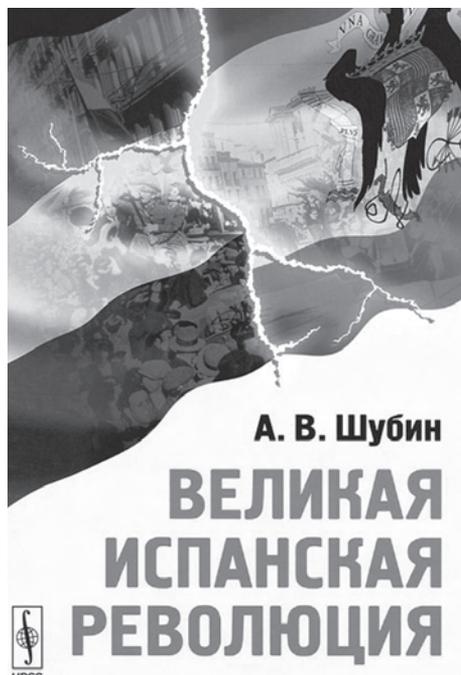
Последняя книга, о которой пойдет речь, — блестящая монография Александра Владленовича Шубина, доктора исторических наук, руководителя Центра по истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН. Ветеран анархистского движения, в конце 1980-х являвшийся одним из основателей Конфедерации анархо-синдикалистов, А. В. Шубин и в этой своей книге (16-й по счету) остается верен себе. Не ждите объективности: историография для автора — это прежде всего поле идеологической борьбы. А потому и события Гражданской войны в Испании (1936—1939) оказываются у него окрашенными в красный и черный — партийные цвета анархистов.

Полемизируя со своим главным оппонентом — современным испанским историком Анхелем Виньясом, А. В. Шубин вновь и вновь доказывает, что период 1936—1939 годов в испанской истории — это прежде всего время революции. Внешне эта идея не является принципиально новой: уже в советской историографии события 1936—1939 годов характеризовались как «национально-революционная война испанского народа». Однако в качестве ведущей революционной силы выдвигались почти исключительно Коммунистическая партия Испании (КПИ) и ее ближайшие союзники — радикалы из Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). При этом результаты деятельности анархистов из Федерации анархистов Иберии (ФАИ) и Национальной конфедерации труда (НКТ) оценивались довольно сдержанно.

В противовес этим представлениям А. В. Шубин доказывает, что события 1936—

А. В. Шубин.

Великая испанская революция.
М., Книжный дом «Либроком»,
2012. 640 с.

1939 годов имеют всемирно-историческое значение как первая в мировой истории попытка создания «синдикалистской модели общества» — особого (наряду с американским, советским и фашистским) варианта «регулируемого индустриального общества» (С. 571). Никогда и нигде анархисты (точнее — анархо-синдикалисты) не были так близки к практической реализации своих планов социально-экономического и политического переустройства, как в Испании 1936—1939 годов. Именно поэтому А. В. Шубин считает обоснованным говорить о ВЕЛИКОЙ испанской революции (см. С. 5).

Истоки революционного процесса 1936—1939 годов автор видит, во-первых, в противоборстве «двух Испаний» — «консервативной религиозной и светской прогрессистской»; во-вторых — в противоречиях, обусловленных переходом от аграрного общества к индустриальному; в-третьих — в выборе «стратегий перехода к социальному государству в условиях начавшейся Великой депрессии». Наложение этих факторов привело к «формированию усложненного идеологического спектра от анархистов до фашистов». При этом «бурное развитие анархизма, особенно анархо-синдикализма, стало важной особенностью испанской революции даже в сравнении с российской революцией, где анархизм тоже играл важную роль» (С. 563).

Как и всякая революция, «Великая испанская революция» имела свои периоды подъема, пика и спада. Ее началом стал июль 1936 года — франкистский мятеж против правительства Народного фронта, следствием которого явился распад старой

государственной машины. Старая армия, полиция, жандармерия (гражданская и штурмовая гвардии), чиновничий аппарат либо перешли на сторону заговорщиков, либо были дезорганизованы и деморализованы. В этих условиях открылись перспективы для «живого творчества масс» (А. В. Шубин не употребляет этих слов В. И. Ленина, но речь идет именно об этом). Активное вмешательство рабочих и крестьян не дало возможности мятежникам добиться победы сразу и повсеместно. Оно проявилось либо в прямом участии масс в боевых действиях, либо в «подталкивании» к отпору мятежникам сил регулярной армии, полиции, гражданской и штурмовой гвардий там, где они не перешли (или не успели перейти) на сторону мятежников. Если же «люди с улицы» не покидали своих домов, колебание военных и полицейских практически неизбежно завершалось переходом на сторону мятежников (как, в частности, это произошло в ряде районов юга страны).

В Каталонии и Арагоне, где позиции анархо-синдикалистов в лице НКТ исторически были наиболее сильными, именно члены профсоюза сыграли особую роль в сохранении власти Республики. Отныне и до мая 1937 года эти районы стали настоящей вотчиной анархистов, в пределах которой им удалось реализовать (или начать реализовывать) многие из своих принципиальных идей (о чем подробнее будет сказано ниже). Пик этого периода пришелся на весну 1937 года, когда премьер-министром являлся левый социалист Ф. Ларго Кабалеро (1869—1946), возглавлявший правительство в период с сентября 1936-го по май 1937 года. Видный деятель профсоюзного движения, один из руководителей Всеобщего союза трудящихся (ВСТ), он был открыт для сближения с анархо-синдикалистами. По мнению А. В. Шубина, существовала даже возможность разрыва с традиционной парламентско-президентской системой и создания правительства на профсоюзной (НКТ—ВКТ) основе, то есть реализации принципа «производственной демократии» в том его виде, который был близок анархо-синдикалистам из НКТ.

К сожалению, «испанский Ленин» (как порой называли Ф. Ларго Кабалеро) уступал своему русскому собрату в политическом чутье и дал себя сместить коммунистам и правым социалистам, сформировавшим костяк нового правительства, которое возглавил Х. Негрин Лопес (1892—1956), ставший последним премьер-министром Республики. С этого времени революция изменила траекторию и стала развиваться по нисходящей линии, что, по мнению А. В. Шубина, сыграло роковую роль в дальнейших событиях и во многом предопределило поражение не только революции, но и Республики в целом.

В процессе собственно революционных преобразований, осуществленных анархо-синдикалистами, автор книги выделяет три основных направления. Во-первых — реформы в экономике, в основе которых лежало не огосударствление (национализация) промышленных и сельскохозяйственных предприятий (как этого требовали коммунисты, а также их союзники из числа социалистов), а их коллективизация, то есть передача управления ими в руки рабочих и крестьян в самом прямом смысле слова. Подробно рассматриваются различные варианты коллективизации, анализируются плюсы и минусы синдикалистской экономики, причем общий баланс оценивается весьма высоко, даже восторженно, включая практику прямого продуктообмена, которую анархистам удалось ввести в ряде районов Каталонии и Арагона (см. С. 192—249).

В качестве следующего направления анархо-синдикалистских реформ выдвигается так называемая военная демократия, то есть демократизация армии, в основу которой были положены отказ от принципов регулярной (в терминологии А. В. Шубина — «казарменной») армии и замена ее милицией, то есть всеобщим вооружением народа. Вопреки существующим представлениям о губительности «партизанщины», автор подчеркивает такие позитивные стороны милиционной системы, как высокий боевой дух бойцов, тесная связь войск и населения, удачная система снабжения и т. п. Что же касается

негативных черт милиционных формирований (невысокий уровень боевой подготовки, низкая дисциплина, непрофессионализм командиров и др.), то, по мнению А. В. Шубина, эти черты постепенно изживались, что особенно хорошо видно на примере Арагонского фронта, длительное время удерживавшегося исключительно анархистскими формированиями. Подчеркивается также роль милиции в защите Мадрида в 1936—1937 годах и в дальнейшем (см. С. 256—263 и др.). Наконец, в политической сфере анархо-синдикалисты, последовательно отрицавшие роль государства, сумели уже в первые месяцы войны создать широкую сеть органов местного самоуправления, основанных на принципах «производственной демократии» и доказавших свою эффективность (см. С. 131—160 и др.).

Главная же заслуга синдикалистской альтернативы «традиционному» буржуазному обществу и парламентскому государству (каковым Республика оставалась до начала Гражданской войны, даже в первые месяцы после победы правительства Народного фронта) видится А. В. Шубину в том, что благодаря ей правительство получило мощную опору в лице революции, сопоставимую по значимости с помощью со стороны СССР, сыгравшей такую важную роль в судьбе Республики. Свержение правительства Ф. Ларго Кабальеро означало конец восходящей фазы революции (см. С. 404, 410 и др.). На смену живой инициативе масс, воспитанных и организованных синдикатами, пришла безжизненная «этатизация», олицетворением которой стал режим Х. Негрина.

Следует особо выделить вывод А. В. Шубина, согласно которому в совокупности политические, социально-экономические и военные реформы, начавшиеся с мая 1937 года, предвещали черты режима «народной демократии». Последний определяется историком как «просоветский режим, сочетающий либеральный фасад с авторитарно-этатистским содержанием», то есть напоминает ту систему, которая после 1945 года была установлена в Восточной Европе (см. С. 410). Важно, по мнению А. В. Шубина, что в процессе утверждения

этого режима ИКП и ее союзники из ИСРП (включая самого Х. Негрина) не сумели добиться ни политических, ни экономических, ни военных успехов: наоборот, ситуация с каждым месяцем становилась только хуже и закономерно завершилась поражением Республики (см. С. 410—534 и далее).

Таковы вкратце важнейшие выводы, сделанные автором. Но насколько они убедительны? Ответить на этот вопрос однозначно довольно сложно. С одной стороны (о чем уже говорилось выше), автор не скрывает своей ангажированности, которая проявляется тройко. Во-первых, в самом ракурсе исследования: из всей сложной палитры левых и центристских политических сил, с самого начала поддерживавших Республику, почти сразу же вычлениаются анархо-синдикалисты, о которых и идет речь далее. Все остальные события и процессы оказываются интересными автору лишь постольку, поскольку они относятся к анархистами и анархизму. Программы, тактика, политика неанархистских партий представлены лишь штрихами; на этом фоне исключениями, подтверждающими правило, оказываются политические портреты Ф. Ларго Кабальеро и Х. Негрина (что, впрочем, учитывая роль обоих в Гражданской войне, не кажется неожиданным).

Во-вторых, авторская ангажированность проявляется в общем характере оценок, которые оказываются почти однозначно-положительными применительно к анархистам и отрицательными — к их противникам и оппонентам. Это не значит, что об анархистах говорится *aut bene, aut nichil*; но это значит, что критические замечания сплошь и рядом приводятся как бы скороговоркой и (позволю себе заметить) с явной неохотой.

Наконец в-третьих, все та же ангажированность проявляется в авторских комментариях, задающих общую тональность повествованию. «Правительство Негрина отобрало социальные завоевания 1936 г., и люди не хотели защищать эту власть даже против франкистов», — пишет А. В. Шубин, например, на странице 540, подтверждая

это замечание эпизодом, говорящим об усталости населения от войны, но не имеющим никакой видимой связи с «социальными завоеваниями 1936 г.»

Постоянно критикуя «этатизм» политики КПИ, склонность ее лидеров к интригам, их безудержное властолюбие и стремление использовать (в том числе втемную) их советских «кураторов» (что, разумеется, соответствовало действительности), автор как-то незаметно оставляет за скобками факты, противоречащие чрезмерной однозначности созданной им картины. Так, например, при всей значимости опыта анархо-синдикалистских преобразований, он почти не вышел за пределы Каталонии и неоккупированной части Арагона, то есть весьма ограниченного сегмента республиканской зоны. Кроме того, нравится это А. В. Шубину или нет, но именно коммунисты (кстати, ни разу не возглавлявшие республиканское правительство и не имевшие в нем большинства) воспринимались как главная опора Республики как их противниками, так и сторонниками. Не случайно на завершающем этапе войны изменивший Республике полковник Касадо включил в состав своего Национального совета обороны (целью которого являлась подготовка капитуляции) анархо-синдикалистов, но не коммунистов. Более того, главные надежды изменников на удачный исход их действий связывались именно с *некоммунистическим* характером этого совета (*исп.* — хунты).

Разумеется, руководство КПИ несет огромную ответственность за поражение Республики. На его счету немало, скажем так, неоднозначных решений и действий, причем одним из наименее симпатичных из них стало поведение во время майских событий 1937 года в Барселоне и последовавшего за ними свержения правительства Ф. Ларго Кабальеро. Но даже с учетом всего этого нельзя не отметить, что именно коммунисты являлись символом Республики. Именно на них (а не на анархистов, при всей очевидности и значимости их заслуг) в первую очередь обращали внимание как ее друзья, так и враги. И здесь

можно привести бесконечное множество примеров, изложение которых, к сожалению, выходит за ограниченные пределы рецензии.

И тем не менее, с *другой стороны*, выдвигая все перечисленные замечания, я считаю своим долгом еще раз повторить: рецензируемая книга относится к числу *блестящих*. Более того, она несомненно войдет в золотой фонд отечественной испанистики. И тому есть несколько причин.

Первое — новизна и обилие фактического материала, положенного в основу авторских выводов, базирующихся на скрупулезной и трудоемкой работе в самых разных архивных собраниях. Главные из них — архив Международного института социальной истории (International Institute of Social History — IISH) в Амстердаме, где находится ряд важных материалов по истории Гражданской войны в Испании (прежде всего — архив НКТ за 1934—1939 годы); Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), где хранится архив Коминтерна; а также Российский государственный военный архив (РГВА), где «осели» донесения советских военных советников. В свете этих данных по-новому воспринимается и информация многих опубликованных источников, также использованных автором.

Второе — место монографии А. В. Шубина в общем контексте изучения истории Гражданской войны в Испании, особенно в отечественной историографии, пожалуй, не знавшей столь фундаментального исследования места и роли анархистских и анархо-синдикалистских движений. Учет этого контекста, с одной стороны, нивелирует элементы ангажированности, свойственные содержанию книги, а с другой — позволяет дать более масштабную оценку достигнутому. Ибо не будем забывать, что главное в любом исследовании — это то, что *сделано*, а не то, что *не сделано*.

И наконец, третье — высота нравственных идеалов, составляющих основу авторской концепции. После появления

EX LIBRIS

книги Данилова¹, написанной с позиций мнимого «объективизма», и особенно откровенно мерзкой книжонки Телицына² монография А. В. Шубина воспринимается как глоток свежего воздуха. Уважение к простому человеку, эта неотъемлемая

черта великой русской культуры, выступает здесь в качестве универсального мерила оценки как людей, так и событий. Не случайно, завершая книгу, автор пишет: «...несмотря на всю кровь и грязь, которой в истории Испанской республики тоже хватало, ее лидеры всерьез считались с волей простых людей. Это редко случается и дорого стоит» (С. 577).

Нужны ли здесь комментарии? ◆

---

¹ См. **С. Ю. Данилов**. Гражданская война в Испании. М., 2004.

² См. **В. Л. Телицын**. Пиренеи в огне. Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М., 2003.